

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 1.

1-го Января

1877 года.

СОДЕРЖАНІЕ — Очерки народныхъ вѣрованій и обычаевъ. — Къ вопросу о встрѣчѣ священника съ вольнодумцами.

Очерки народныхъ вѣрованій и обычаевъ.

Почти девять сотъ лѣтъ протекло съ того времени, какъ русскій народъ принялъ христіанство. По видимому, въ такой длинный періодъ времени, оно могло прочно укорениться въ сердцахъ принявшихъ его и вытѣснить все старое, языческое. Но, увы! веесокрушающій духъ времени какъ бы потерялъ здѣсь свою силу и мощь и оказался слабымъ подь давленіемъ разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, задерживавшихъ развитіе народа и не дававшихъ ему узрѣть истинный свѣтъ христіанскаго просвѣщенія. Время, какъ сила слѣпая и безсодержательная, если что сдѣлало по отношенію къ христіанству на Руси, такъ это развѣ то, что вполнѣ примирило народъ съ нимъ, образовало въ немъ привычку такъ или иначе исполнять требованія христіанской религіи и развило въ немъ сознаніе хри-

стіанскаго достоинства. Потому-то народъ русскій теперь уже не дико смотритъ на христіанство, какъ на что-то чуждое, — онъ уже свыкъся и сжился съ нимъ, и оно сдѣлалось основою его духа и національности; напротивъ, все нехристіанское, языческое какъ-будто отталкиваетъ его, и онъ, инстинктивно отварачиваясь отъ него, клеймитъ его позорнымъ именемъ бусурманства. Скажемъ больше. Если кто вѣритъ, то вѣруетъ именно русскій народъ; вѣра его крѣпка, какъ камень, и непоколебима, какъ скала; вѣра — это девизъ русскаго народа. Но эта свѣтлая сторона жизни, какъ и естественно ожидать, не безъ пятенъ. Умственно не развитый, у котораго сила сознанія, сила разлагающей мысли спитъ или дремлетъ, русскій народъ не въ состояніи отнестись къ вѣрѣ разумно и сдѣлать ее сознательною, такъ чтобы она озаряла его разумъ истиною и давала сердечнымъ движеніямъ стройность и законность. При всеобщей грубости нравовъ и отсутствіи образовательныхъ началъ, народъ нашъ не въ состояніи возвыситься до воспринятія христіанства въ его чистомъ видѣ, — свѣтъ богооткровенной религіи слишкомъ ярокъ для народа. Поэтому, при всей своей крѣпости, вѣра его основывается только на чувствѣ и потому слѣпа и бессознательна; при такой вѣрѣ въ челоуѣкѣ не можетъ быть желанія испытать, изслѣдовать и поразмыслить о своихъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ, о своихъ вѣрованіяхъ, привязанностяхъ и стремленіяхъ. Она ведетъ челоуѣка, не давая ему оглянуться ни по сторонамъ, ни на пройденный путь жизни, и онъ искренно послушенъ ея водительствоу. Для него съ такою простою вѣрою не доступны высокія отвлеченныя истины; ему понятенъ только живой фактъ, наглядное явленіе и картина съ любимыми оттѣнками, чертами и красками, простой живописный языкъ. Образъ и дѣйствіе производятъ на него глубокое впечатлѣніе, и предъ ними онъ выражаетъ чувства своего благоговѣнія, расточаетъ знаки преданности и любви; только чрезъ посредство ихъ ста-

новятся ему доступными Божественная истина и добро. Но онъ не въ состояннн дать понятія и отчета въ волнующихъ его высокихъ чувствахъ; онъ не уловимъ и не осязаемъ для его разсудка, не привыкшаго слѣдить за тонкими изгибами душевныхъ движеній. Отсюда только обрядность и внѣшность приковываютъ и питаютъ его благочестивое вниманіе, какъ было и въ первое время по принятіи христіанства. Но этого мало. Чувство человѣческое темно, измѣнчиво, неопредѣленно и, такъ сказать, слишкомъ безотчетно; поэтому вѣра, имѣющая его опорой, можетъ быть не свободна отъ постороннихъ вліяній. Посмотрите на русское простонародье, какъ легко къ его дѣтской вѣрѣ примѣшиваются нечистые образы и черты омраченнаго ложью представленія, какъ свободно уживаются съ святымъ завѣтомъ вѣры естественные недостатки мысли и обыденныя стремленія и особенно народныя преданія и обычаи, наслѣдованные вѣками отъ предковъ. Отсюда вы видите въ его понятіяхъ странныя искаженія христіанскихъ истинъ, смѣсь высокаго евангельскаго ученія и преданій церкви съ самыми ничтожными, мелкими, извращенными мнѣніями,—предпочтеніе суевѣрія прямой заповѣди Закона Божія, мистическій взглядъ на окружающую природу, существо и дѣятельность человѣка. Словомъ, прослѣдите вы жизнь простолюдина, отъ колыбели до могилы, и вы убѣдитесь, что суевѣрія опутали всю его жизнь до подробностей, что онъ составляетъ для простаго народа почти весь скудный запасъ понятій о Богѣ, природѣ и человѣкѣ.

Нечего говорить о томъ, что такое религіозное состояніе—особенно въ виду современнаго сознанія крайней необходимости просвѣщенія темныхъ массъ народа—не можетъ быть терпимо, что пастыри церкви необходимо должны поднять уровень религіознаго пониманія и очистить его отъ всякихъ примѣсей и наростовъ. Вопросъ съ томъ: какъ удобнѣе вести дѣло христіанскаго просвѣщенія, чтобы оно

достигало своей цѣли? Излишне говорить, что нельзя бу-
 деть признать достаточно выполненною задачу, если пастыри
 церкви будутъ излагать предъ народомъ христіанское ученіе
 только съ его положительной стороны, потому что въ та-
 комъ случаѣ, если даже предположить, что оно будетъ по-
 нято и принято, старыя языческія воззрѣнія и обычаи не
 только не будутъ ниспровергнуты, но даже и затронуты,
 такъ какъ противорѣчія, которое онѣ будутъ составлять по
 отношенію къ христіанскимъ воззрѣніямъ, самъ простолю-
 динъ не замѣтитъ. Необходимо, значить, дѣйствовать про-
 тивъ самихъ остатковъ язычества и языческаго пониманія
 христіанской религіи, — ихъ непременно нужно искоренять и
 вырывать изъ народнаго сознанія. Но при этомъ опять цѣль
 будетъ не вполне достигнута, если пастыри церкви будутъ
 ограничиваться одними голословными обличеніями, или если
 даже будутъ показывать только, что то или другое суевѣріе
 ни съ чѣмъ не сообразно, противно здравому смыслу, ученію
 церкви и слову Божію. Народъ не послушаетъ этихъ школь-
 ныхъ и голословныхъ обличеній и не послѣдуетъ имъ, по-
 тому что онъ не настолько дѣтски впечатлителенъ и воспрі-
 имчивъ, чтобы сразу подчиниться имъ. Жизнь народная,
 какъ бы ни были просты ея проявленія и сколько бы ни
 казались дѣтски наивными вѣрованія и представленія, зале-
 гающія въ ея основу, имѣетъ свою исторію не менѣе мо-
 жетъ быть поучительную, хотя и не столь точную, какъ и
 всякая другая исторія. То, что мы клеймимъ презритель-
 нымъ названіемъ народнаго суевѣрія, невѣжества, на самомъ
 дѣлѣ вовсе не заслуживаетъ нашего презрѣнія; суевѣріе —
 явленіе болѣзненное только въ глазахъ просвѣщенныхъ, а
 само по себѣ оно не что иное, какъ народное убѣжденіе,
 имѣющее свою историческую или психологическую основу;
 не рѣдко даже въ народѣ оно утрачиваетъ свой смыслъ,
 остается простымъ переживаніемъ, но и чрезъ это не те-
 ряетъ еще своего народно-историческаго значенія, почему и

въ такомъ случаѣ къ нему нужно относиться бережно, съ знаніемъ, а не съ простымъ, ни на чемъ не основаннымъ, отрицаніемъ, доказывающимъ наше собственное невѣжество въ вопросахъ, касающихся народа. Поэтому гораздо лучше и полезнѣе будетъ, если при этомъ пастыри церкви будутъ пользоваться историческимъ способомъ, если они будутъ показывать происхожденіе, образованіе и дѣйствительный смыслъ различныхъ вѣрованій, обычаевъ и суевѣрій. При такомъ способѣ дѣйствованія, простолюдинъ можетъ самъ ясно увидѣть, изъ какихъ элементовъ сложились тѣ или другія его возрѣнія и какъ много въ нихъ языческаго—не христіанскаго,—а какъ скоро это будетъ сдѣлано, онъ самъ почувствуетъ свое ненормальное, неловкое положеніе и самъ отвернется отъ него, потому что таковъ духъ русскаго народа, что онъ не любитъ, чтобы его обзывали язычникомъ, —это оскорбляетъ его самолюбіе,—онъ хочетъ быть и именовать только „православнымъ“.

Такимъ образомъ пастырю церкви, чтобы онъ могъ надлежащимъ образомъ выполнить лежащую на немъ обязанность народнаго учителя и просвѣтителя, совершенно необходимо не только простое знакомство, но и внимательное изученіе народнаго міросозерцанія. Иначе—когда проповѣдникъ будетъ являться съ смутными познаніями среды, въ которой онъ призванъ дѣйствовать своимъ словомъ и убѣжденіемъ, когда онъ можетъ лишь указывать, что такое-то вѣрованіе или такой-то обрядъ и т. п.—не христіанскіе, но не будетъ знать, что такое сами по себѣ эти вѣрованія, обряды и т. д., почему они столь крѣпко держатся въ народѣ, отчего народъ, съ искреннимъ и глубокимъ благоговѣніемъ относясь къ церкви, однако твердо хранить свои старыя не христіанскія убѣжденія и привычки, отчего онъ столь упорно двоевѣренъ, и не рѣдко въ виду церкви и даже подъ ея покровительствомъ дозволяетъ себѣ поступки,

противныя церкви и религіи—во всѣхъ этихъ случаяхъ едва-ли возможенъ дѣйствительный успѣхъ христіанской проповѣди,—и тѣ обвиненія, которыя сыплются на нее, едва-ли когда либо прекратятся при такомъ положеніи дѣла, потому что если гдѣ, то особенно въ данномъ случаѣ вѣрна истина, что не изучивъ больнаго, не возможно и излечить его. Скажемъ больше. Если пастырь церкви не будетъ знать напередъ, какія убѣжденія и вѣрованія имѣютъ его пасомые, то онъ не будетъ въ состояніи не только удачно совершить свое дѣло, но и начать его. Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ ли онъ въ такомъ случаѣ заняться изложеніемъ тѣхъ пунктовъ церковнаго ученія, на которые его прихожане уже имѣютъ правильный взглядъ, и на оборотъ, опускать изъ виду тѣ стороны предмета, относительно которыхъ въ народѣ существуютъ ложныя воззрѣнія? Возьмемъ частный примѣръ. Положимъ, пастырь хочетъ передать своимъ прихожанамъ ученіе церкви о загробной жизни человѣка,—достигнетъ ли онъ своей дѣли, если не будетъ знать, о чемъ они имѣютъ надлежащее понятіе и о чемъ остаются съ суевѣрными и ложными представленіями? Конечно, нѣтъ!

Мысль, скажутъ, вѣрная и требованіе отъ проповѣдниковъ изученія народныхъ вѣрованій вполнѣ цѣлесообразное,—это, скажутъ, сознаютъ всѣ и сами проповѣдники. Вопросъ въ томъ: возможно ли выполненіе этого требованія при тѣхъ средствахъ, какими обладаетъ большинство священниковъ и виновны-ли они въ томъ, что сознавая справедливость этого требованія, до сихъ поръ не выполняютъ его? „Какъ извѣстно, говоритъ одна изъ современныхъ газетъ, наше духовенство, при всей своей близости къ народу, далеко не можетъ похвалиться глубокимъ знаніемъ народа,—ему не достаетъ тѣхъ научныхъ свѣдѣній, которыми освѣщаются различныя явленія народной жизни и народныхъ вѣрованій. Винить въ этомъ духовенство было бы несправедливо. Во первыхъ несправедливо потому, что серьезно

изученіе народнаго быта, въ послѣднее время сдѣлавшее на Западѣ громадныя успѣхи и породившее оживленное движеніе въ наукѣ, литературѣ и жизни, у насъ, если также заявляетъ себя отчасти подобными послѣдствіями, все-таки еще не настолько подвинулось впередъ, чтобы на его поддержку съ увѣренностію могли рассчитывать дѣятели въ народѣ. Такъ, нѣкоторые вопросы, существеннымъ образомъ касающіеся народнаго быта, или вовсе еще затронуты нашей наукой, каковы, напр., вопросы, касающіеся нравственныхъ понятій народа, народной морали, или же только-что начинаютъ разрабатываться наукою¹⁾. Правда, наша литература по изученію народнаго быта совсѣмъ не такъ бѣдна, какъ кажется автору приведеннаго нами отрывка, — свѣтская литература, нужно сказать, сдѣлала въ настоящее время значительную долю по этому вопросу; во всякомъ случаѣ — сдѣлала настолько, что многія явленія религіозной жизни народа, при помощи ея, могутъ быть поняты и объяснены. Все дѣло здѣсь въ томъ, что духовенство — и особенно сельское, которое мы главнымъ образомъ и должны имѣть въ виду, не можетъ и не имѣетъ никакихъ средствъ воспользоваться этими данными, потому что свѣтская литература для него вообще terra incognita. Что же касается духовной литературы, при посредствѣ которой могли бы распространяться научныя свѣдѣнія о народныхъ вѣрованіяхъ и бытѣ, то она, къ крайнему прискорбію, не только ничего своего по этому вопросу не создала (если не считать разныхъ, иногда не безынтересныхъ, свѣдѣній о народѣ, разсѣянныхъ въ провинціальныхъ мелкихъ изданіяхъ, и потому для большинства не доступныхъ), — но и то, что сдѣлано свѣтской литературой, не обратито ея вниманія. Изданія русскаго этно-

¹⁾ Церк. Вѣст. 1876 г. № 5.

графическаго общества, сочиненія Афанасьева, Срезневскаго, Потебни, Булаева и др., сборники легендъ, пѣсенъ и пословицъ, въ которыхъ высказывается народное мировоззрѣнiе—все это не возбудило интереса въ духовной литературѣ, и она глубокомысленно умолчала о немъ, какъ будто всѣ эти сочиненія и изданія до нея вовсе не касаются, какъ будто они назначаются только для однихъ филологовъ и этнографовъ по профессіи! Явленіе странное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное! Остается, наконецъ, еще средство, при помощи котораго пастыри могли бы получать научныя свѣдѣнія о народномъ мировоззрѣнiи—это духовныя школы. Но въ нихъ интересъ къ серьезному изученію народнаго быта до того слабъ, что едва-ли нужно и говорить о немъ: все дѣло обыкновенно ограничивается сообщеніемъ не многихъ, да и то крайне жалкихъ свѣдѣній о народнѣйшей поэзіи и отчасти объ языческихъ вѣрованіяхъ; пригодность и примѣнимость подобныхъ свѣдѣній не идетъ далѣе школьной скамьи, и потому неудивительно, что священникъ является въ народѣ съ пустыми руками, т. е. совершенно не подготовленнымъ къ той миссіи, какую онъ принимаетъ на себя: темныя явленія народной жизни для него дѣйствительно темныя, потому что онъ не понимаетъ ихъ смысла, не знаетъ ихъ настоящихъ корней. *) Причина такого явленія заключается въ постановкѣ Богословской науки въ семинаріяхъ, которая совершенно чуждается научнаго отношенія къ народному быту и народнымъ вѣрованіямъ. „Такъ, напримѣръ, нравственное Богословіе въ нашихъ семинаріяхъ представляетъ собою кодексъ моральныхъ предписаній, взятыхъ чисто теоретически, безъ всякаго отношенія къ жизни, а что касается пастырскаго Богословія, то даже трудно сказать, что оно такое, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ Учебный Коми-

*) Церк. Вѣст. 1876 г. № 5.

тетъ озабоченъ составленіемъ программы по этому предмету, но программа до сихъ поръ еще не являлась. Между тѣмъ, пастырское и нравственное Богословіе—тѣ именно науки, которыя наиболѣе заинтересованы серьезнымъ изученіемъ народа. Ихъ значеніе преимущественно практическое; онѣ должны въ жизни, въ средѣ, къ которой готовятъ пастыря церкви, почерпнуть матеріалъ для своихъ научныхъ выводовъ и отпустить своихъ питомцевъ не съ голыми руками, а съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ пониманіемъ среды и условій, въ какихъ будетъ поставлена ихъ просвѣтительная дѣятельность.³⁾ Поэтому, до тѣхъ поръ, пока эти науки не будутъ поставлены на болѣе практическую почву, пока духовная школа не сознаетъ всей важности изученія народной жизни и не возбудитъ въ своихъ питомцахъ интереса къ нему—до тѣхъ поръ воспитанники семинарій будутъ являться безоружными на поле борьбы съ народными вѣрованіями.

Такимъ образомъ, какъ ни настоятельна для пастырей нужда въ знакомствѣ съ народными вѣрованіями, они не имѣютъ и не могутъ имѣть научныхъ, болѣе или менѣе, полныхъ свѣдѣній о народномъ міровоззрѣніи.—Съ цѣлію устранить такой пробѣлъ въ нашей духовной литературѣ и дать духовенству возможность познакомиться съ народными вѣрованіями, воззрѣніями и обычаями и болѣе или менѣе разумно относиться къ нимъ и понимать ихъ смыслъ и значеніе, мы предпринимаемъ на себя трудъ предложить нѣсколько очерковъ народныхъ вѣрованій и указать ихъ происхожденіе и смыслъ.

³⁾ Церк. Вѣст. 1876 г. № 5.

1.

СВЯТОЧНЫЕ ОБЫЧАИ И ПОВѢРЬЯ.

Въ нашемъ языкѣ до сихъ поръ сохранилось нѣсколько поэтическихъ и метафорическихъ выраженій; мы доселѣ выражаемся: солнце *восходитъ* или *садится*, буря *воетъ*, вѣтеръ *свиститъ*, громъ *ударяетъ*; доселѣ говоримъ о *силахъ* природы, какъ о чемъ-то свободно дѣйствующемъ, и только благодаря современнымъ научнымъ свѣдѣнiямъ, не придаемъ этимъ стариннымъ, освященнымъ привычкою, выраженiямъ буквального смысла. Мы низвели эти и тысячи другихъ подобныхъ метафорическихъ выраженій, ежедневно повторяющихся въ живой рѣчи, до значенiя простыхъ формулъ, указывающихъ на то или другое явленiе неодушевленной природы, и произнося ихъ, мы нисколько не думаемъ, чтобы солнце обладало ногами для ходьбы, чтобы оно возсѣдало на престолѣ, чтобы вѣтеръ производилъ свистъ при посредствѣ губъ, громъ бросалъ молнiи при посредствѣ рукъ. Не таково было положенiе нашихъ доисторическихъ предковъ и не такъ смотрѣли они на явленiя и силы природы. Отчужденные грѣхомъ отъ жизни Божiей и осуетившись въ помышленiяхъ своихъ, люди мало-по малу затмили въ себѣ духовное начало жизни, возводившее ихъ отъ чувственного къ духовному, отъ твари къ невидимому Творцу-Богу. Подобно большому глазу, для котораго благодѣтельный свѣтъ солнца бываетъ невыносимъ, древнiе язычествующiе народы отвратили свой взоръ отъ Житворящаго Свѣта-Бога и, какъ бы потушивъ очи, сосредоточили свое вниманiе на предметахъ видимыхъ, чувственныхъ и на нихъ только возложили все свои надежды и упованiя и въ нихъ только находили удовлетворенiе своимъ стремленiямъ и требованiямъ. Поставленные так. образ. въ полную зависимость отъ природы и погруженные въ простую, непосредственную жизнь, они, на раннемъ утрѣ своего доисторическаго существованiя, и

любили природу, и съ дѣтскимъ простодушіемъ боялись ея, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ея знаменіями, отъ которыхъ зависѣли и которыми опредѣлялись ихъ житейскія нужды. Они, вѣроятно, съ жадностію вглядывались въ картины обновляющагося весною міра, съ трепетомъ ожидали восхода солнца и долго засматривались на блестящія краски утренней и вечерней зари, на небо, покрытое грозowymi тучами, на старые дѣвственные лѣса, на поля, красующіяся цвѣтами и зеленью. Но этимъ отношеніе къ природѣ не могло ограничиться. Природа—не бездушная картина, глядя на которую можно только или удивляться или любоваться. Она—живой организмъ, который даетъ себя чувствовать и чувствовать подчасъ сильно. Она заставляла первобытнаго человѣка испытывать свѣтъ и мракъ, жаръ и холодъ, надѣляла его насущною пищею или карала голодомъ, посылала ему или бѣды, или радости. Природа являлась то нѣжною матерью, готовою воскормить земныхъ обитателей своею грудью, то злою мачихой, которая вмѣсто хлѣба подаетъ твердый камень, и въ обоихъ случаяхъ всесильною властительницею, требующею полного и безотчетнаго повиновенія, потому что какихъ-либо искусственныхъ средствъ для подчиненія себѣ природы первобытный человѣкъ не имѣлъ. Поставленный въ такую неизбѣжную связь съ природою и такую совершенную зависимость отъ нея, человѣкъ увидѣлъ всю свою слабость и ничтожность предъ нею и долженъ былъ сознаться, что природа выше его, что она есть сила неодолимая, божественная.

Какъ не имѣвшій никакихъ естественныхъ познаній, первобытный человѣкъ, при полномъ отсутствіи искусственнаго образованія и способности къ рефлексіи, мыслить, какъ дитя, и выражался только въ наглядныхъ пластическихъ формахъ, на основаніи исключительно своихъ собственныхъ ощущеній,—и потому опредѣлить силы природы и ея явленія онъ могъ не иначе, какъ только по сравненію

съ самимъ собою и знакомыми ему животными. Ушибется ли ребенокъ о какую-нибудь вещь, въ умѣ его тотчасъ же возникаетъ убѣжденіе, что она нанесла ему ударъ, и онъ готовъ отплатить ей тѣмъ же; катящійся съ пригорка камень кажется ему убѣгающимъ, журчаніе ручья, шелестъ листьевъ, плескъ волны—ихъ говоромъ. Первобытный человѣкъ, по отношенію къ окружающему его міру, былъ также дитя и испытывалъ тѣже психическія оболщенія. Все, что ни обращало его вниманіе въ природѣ,—все это онъ сближалъ съ своими собственными ощущеніями и дѣйствіями, и такъ какъ эти послѣднія были выраженіемъ его воли, то отсюда онъ естественно заключалъ о бытіи другой воли (подобной—человѣческой), кроющейся въ силахъ природы, которая (воля) дѣлала ихъ живыми и личными. Прибавимъ къ этому, что въ древнѣйшихъ языкахъ каждое изъ именъ существительныхъ имѣетъ окончаніе, обозначающее мужескій или женскій родъ (имена среднего рода—позднѣйшаго происхожденія и отличаются отъ мужескихъ или женскихъ формъ, большею частію, только въ именительномъ падежѣ), а это должно было породить въ умѣ первобытнаго человѣка соответственную идею о полѣ, такъ что названія, придаваемые различнымъ явленіямъ природы, должны были получить не только личный, но и половой типъ. Отсюда понятно, что въ возрѣніяхъ древнѣйшаго народа не могло быть и дѣйствительно не было строгаго различія между силами и свойствами человѣческими и приписанными остальной природѣ; для него достаточно было, слѣдуя замѣченному сходству явленій, сказать: „буря востъ“, „солнце восходитъ“, какъ тотчасъ же возникали въ мысляхъ и тѣ орудія, при посредствѣ которыхъ совершаются подобныя дѣйствія человѣкомъ и другими животными и которыя должны принадлежать вѣтру и солнцу. Въ шопотѣ древесныхъ листьевъ, плескѣ волны, шумѣ водопада, трескѣ падающихъ деревьевъ, жужжаніи насѣкомыхъ, крикѣ и пѣніи птицъ, ревѣ и мычаніи

животныхъ, — въ каждомъ звукѣ, раздающемся въ природѣ, древній человѣкъ слышалъ таинственный разговоръ, выраженія страданій или угрозъ, смыслъ которыхъ понятенъ только вѣщимъ людямъ. Отсюда въ его мифахъ и сказаніяхъ вся природа является исполненною разумной жизни, надбленной высшими духовными дарами: умомъ чувствомъ и словомъ; къ ней обращается онъ и съ своими радостями, и съ своимъ горемъ и страданіями и всегда находитъ такой или иной отзывъ. По нашимъ народнымъ преданіямъ, сохранившимся до нынѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали между собой, какъ люди; поселяне до сихъ поръ вѣрятъ, что наканунѣ Нового года домашній скотъ получаетъ способность разговаривать между собою по-человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткою и другъ съ другомъ, что дятель стучитъ въ дерево съ отчаянія и т. д. Все это есть не что иное, какъ остатки древняго возрѣнія человѣка на природу, какъ на существо живое, и плодъ олицетворенія ея.

Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая въ милліонахъ разнообразныхъ голосовъ и стремительно развивающаяся въ безчисленныхъ формахъ, обуславливается силою свѣта и теплоты; безъ нея же все пропадаеть и замираеть. Потому солнце, какъ источникъ этой силы, прежде всего обращало на себя вниманіе первобытнаго человѣка и возбуждало его пылкую дѣтскую фантазію. Съ одной стороны онъ видѣлъ, что, съ закатомъ дневнаго свѣтила на западѣ, какъ бы приостанавливается вѣчная дѣятельность природы, молчаливая ночь охватываетъ міръ, облекая его въ свои темные покровы, и все погружается въ крѣпкій сонъ-знаменіе на всегда усыпляющей смерти; съ помраченіемъ яркихъ лучей солнца зимними туманами и облаками начинаются стужи и морозы, небо перестаетъ блистать молніями и посылать дожди, земная жизнь замираеть, и человѣкъ осуждается на тяжелые труды: онъ долженъ устраивать жи-

лице, селиться у домашняго очага, заготовлять пищу и теплую одежду. Съ другой—напротивъ, какъ съ утромъ онъ долженъ былъ соединять представленіе о приближающемся солнцѣ, о благопріятной росѣ, падающей на нивы, поля и дубравы, о воскресающей повсюду дѣятельности; такъ съ весною долженъ былъ связывать мысль о воскресеніи согревающей силы солнца, о появленіи грозovýchъ тучъ, проливающихъ на землю благодатный дождь и о возстаніи природы отъ зимняго сна. Что же это значить? спрашивалъ себя древній человекъ. Гдѣ же солнце бываетъ ночью и куда скрываются его животворные лучи въ зимнюю половину года? И вотъ дѣтская фантазія творить для него священное жилище, гдѣ свѣтило это успокоивается послѣ дневныхъ трудовъ и гдѣ скрываетъ свою благодатную силу зимою. По этому представленію, благотворное свѣтило дня, красное солнце, обитаетъ на востокѣ—въ странѣ вѣчнаго лѣта и плодородія, откуда разносятся весною сѣмена по всей землѣ; тамъ возвышается его золотой дворецъ, откуда выѣзжаетъ оно каждое утро на своей свѣтозарной колесницѣ, запряженной бѣлыми, огнедышащими конями. Въ то время, когда солнце готово выйти изъ своихъ чертоговъ, чтобы совершить свою дневную прогулку по бѣлому свѣту,—нечистая сила—виновникъ мрака—собирается и выжидаетъ его появленія, надеясь захватить свѣтило дня и умертвить его. Но при одномъ приближеніи солнца, она разбѣгается, чувствуя свое безсиліе. Въ этой поэтической формѣ, очевидно, рассказано, какъ первые солнечные лучи, прорѣзавшіе темный горизонтъ, прогоняютъ мракъ ночи; будто испуганный, бѣжитъ онъ и прячется въ расщелины скаль, подземныя пещеры и глубокія бездны.

Лѣто отличается ясностію и блескомъ солнечнаго свѣта, какъ бѣлый день; зима же потемняется снѣжными облаками и туманами и уподобляется ночи. Затѣмъ—и это главное—день и весна пробуждаютъ спящую безмолвную природу

и радуютъ весь міръ, а ночь и зима погружаютъ ее въ сонъ-подобіе смерти и придають ей печальный характеръ. Такія сходныя черты, подмѣченныя въ смѣнахъ дня и ночи, лѣта и зимы заставили народную фантазію сближать ежедневную борьбу свѣта и мрака съ ежегодною борьбою тепла и холода и повели къ постоянному смѣшенію мифовъ, относящихся къ этимъ разнороднымъ физическимъ явленіямъ. Отсюда весеннее просвѣтленіе солнца и явленіе его изъ-за мрачныхъ тучъ стали уподобляться утреннему разсвѣту, весна и богиня лѣтнихъ грозъ—утренней зарѣ или восходящей дѣвѣ солнца, а зима и тучи—темной ночи. Какъ при началѣ дня свѣтъ борется съ тмою, такъ и „зимѣ и лѣту“, по русской пословицѣ „союзу нѣту“; какъ въ первомъ случаѣ древній человѣкъ олицетворялъ эту борьбу, такъ и во второмъ—въ естественной смѣнѣ время года онъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ, взаимно-враждебныхъ живыхъ силъ. Именно-когда онъ замѣтилъ, что солнце въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ пору самаго полного развитія плодотворящей дѣятельности природы, поворачиваетъ на зимній путь, дни постепенно умаляются, а ночи увеличиваются, то сообразно съ своими дѣтскими представленіями свѣта и тмы, тепла и холода, думалъ, что власть царственнаго свѣтила въ борьбѣ съ демонами мало по-малу ослабѣваетъ и уступаетъ Зимѣ. Въ ноябрѣ она уже встаетъ на ноги, нечистая сила выходитъ изъ пропастей ада и своимъ появленіемъ производитъ холода, мятели и вьюги: земля застываетъ, воды оковываются льдами и всякая жизнь замираетъ. Когда наступали самыя короткіе дни и самыя длинныя ночи въ году, древній человѣкъ уже готовъ былъ думать, что зима совершенно побѣдила солнце, что оно одряхлѣло, утратило свою лучезарность и готовится умереть, т. е. погаснуть. Если съ закатомъ солнца и ночью—этимъ кратковременнымъ исчезновеніемъ солнца—древніе соединяли все недоброе: смерть,

страхъ, козни демоновъ, убытокъ, несчастіе, (*) то понятно, какой страхъ овладѣвалъ его и безъ того робкой душой, когда ему казалось и невольнио вѣрилось, что вотъ, вотъ солнце погаснетъ и не будетъ испускать своихъ благотворныхъ лучей!..

Но торжество злыхъ духовъ продолжается не далѣе 12 декабря; въ то время, когда, повидимому, зима совсѣмъ побѣдила, солнце снова возжигается, „поворачиваетъ на лѣто“ и съ этого времени сила его опять нарождается, дни начинаютъ прибывать, а ночи умалаться, такъ что, по народному выраженію, день къ новому году прибавляется на куриный шагъ или на гусиную лапку, а въ началѣ февраля лучи солнечные уже „нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ“, почему крестьяне и называютъ этотъ мѣсяцъ *боко-грѣмь*. Какъ на Ивана Куналу солнце, по русскому повѣрью, выѣзжаетъ въ колесницѣ на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ, такъ и теперь наряженное въ праздничный *сарфанъ* и *кокошникъ*— оно садится въ телѣгу, направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу и „ѣдетъ въ малеваномъ возочку, на воропенькомъ конечку“. Оттого этотъ день называется въ народѣ *поворотомъ*, *поворотникомъ* и *солонворотомъ*, а святой Спиридонъ, память котораго празднуется въ этотъ день, слыветъ въ народѣ подъ именемъ „Спиридона Поворотника“. Какъ бы чувствуя возвращающееся могущество врага, зима истощаетъ всѣ свои губительныя орудія на борьбу съ приближающимся лѣтомъ: настаютъ трескучіе морозы, страшные для садовъ и озимыхъ посѣвовъ, умножаются простудныя болѣзни и падежи скота, виновниками которыхъ считались и считаются демоны мрака и холода. „Вотъ почему,

(*) *Примѣч.* Подтвержденіемъ такого взгляда древнихъ на ночь служитъ сохранившаяся до сихъ поръ поговорка: «утро вечера мудренѣе». Она означаетъ, что при солнечномъ восходѣ всякое дѣло, всякій подвигъ совершаются удачливѣе, нежели вечеромъ или ночью при мракѣ.

говорить г. Афанасьевъ, на канунѣ Крещенія простолюдины на всѣхъ окнахъ и дверяхъ выжигаютъ огнемъ или чертятъ мѣломъ кресты, чтобы нечистые духи не имѣли доступа къ ихъ дворамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носятъ при этомъ два пирога, что, можетъ быть, намекаетъ на древнѣйшія жертвоприношенія демонамъ мрака. Предъ Рождествомъ крестьяне до сихъ поръ подчуютъ морозъ киселемъ съ просьбою не касаться ихъ засѣянныхъ полей“ (Поэт. возвр. сл. на пр. Аѳ. I. 109 стр). Но зима тщетно напрягаетъ свои усилія ослабить возрастающее могущество солнца; въ свое время является весна, воды сбрасываютъ ледяныя оковы, воздухъ наполняется живительною теплотою, согрѣтая солнечными лучами земля получаетъ даръ производительности, и возрожденная природа предстаетъ въ чудномъ великолѣпнн лѣтнихъ уборовъ и со всемъ разнообразіемъ своихъ благодатныхъ даровъ. Смотря на солнце, какъ на стихійное божество, отъ котораго зависѣла жизнь природы, древніе предки наши въ этомъ переходѣ отъ постепенной утраты къ постепенному возрастанію его свѣтоносной силы видѣли его *возрожденіе* или *воскресеніе* и въ честь этого радостнаго событія устраивали особенныя празднества, которыя нынѣ извѣстны подъ именемъ „коляды“. (**)

Такъ какъ около того же времени христіанскія правила установили праздновать Рождество Спасителя, называемаго въ церковныхъ дѣсияхъ пра-

ношею „календы“, то и въ славянскихъ языкахъ слово „календы“

(**) Коляда, по объясненію г. Афанасьева, собственно латин. calendae; первое въ каждомъ мѣсяцѣ число, по которому велся счетъ и предшествующимъ ему днямъ съ половины или точнѣе — послѣ идъ предшествующаго мѣсяца; впоследствии слово это стало, по преимуществу употребляться для обозначенія январскихъ календъ (съ 14 дек. по 1-е января включительно), какъ исходнаго пункта, съ котораго начинается годъ, и затѣмъ уже въ средніе вѣка перешло въ названіе святочныхъ игрницъ; къ намъ оно пришло изъ Византіи, вмѣстѣ съ отреченными книгами, и согласно съ звуковыми законами славянскаго языка измѣнилось въ коляду.

веднымъ солнцемъ, пришедшимъ съ востока; то древнеязыческій праздникъ рождающемуся солнцу, естественно, съ принятіемъ христіанства, былъ приуроченъ къ Рождественскимъ святкамъ. Такое присоединеніе новаго праздника къ старому, повидимому, должно было повліять на старые языческіе обряды и болѣе или менѣе ослабить ихъ, но съ одной стороны, особенная живучесть всего языческаго, съ другой—слишкомъ внѣшнее отношеніе къ христіанству—парализовали дѣйствіе послѣдняго, и простой народъ, хотя и безсознательно, но въ тоже время очень спокойно до сихъ поръ воспѣваетъ новорожденное солнце:

Уродилась Коляда

Наканунъ Рождества.

Тотъ же самый языческій характеръ носятъ и все его святочные обычаи и повѣрья. Говоря такъ, мы имѣемъ доказать нашу мысль и показать ихъ смыслъ и происхожденіе.

(Окончаніе будетъ).

Къ вопросу объ отношеніи пастыря къ вольнодумцамъ.

Священникъ можетъ встрѣтиться съ вольнодумцами случайно, на примѣръ въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ, при общей поѣздкѣ.

Желѣзная дорога служитъ въ настоящее время такимъ пунктомъ, на которомъ очень легко можетъ происходить столкновение какъ различныхъ націй, сословій, такъ и всевозможныхъ, разнообразныхъ взглядовъ, воззрѣній и т. п. Слыша въ такихъ случаяхъ легкомысленные, анти-религіозные разговоры, дѣлаясь свидѣтелемъ порицанія святой истины, онъ уже какъ христіанинъ, а тѣмъ болѣе какъ пастырь не долженъ оставаться въ молчаніи; тутъ онъ имѣетъ прямой поводъ вступить за святую истину. Но спрашивается: какой же наиболѣе правильный и вѣрный способъ взяться за дѣло, чтобы спасти честь истины? То положеніе, тѣ условія, обстановка, въ какія пастырь бываетъ поставленъ въ такихъ случаяхъ, очевидно, не пригодны для того, чтобы предлагать подробное и основательное изложеніе религіозныхъ предметовъ, представлять доказательства,

пробуждать тѣ или другія благородныя чувства, на которыхъ существенно зиждется нравственное сознаніе,—все это въ такихъ мѣстахъ, въ такихъ обществахъ большею частію невозможно. Такимъ людямъ, сознанію которыхъ недостаетъ самыхъ элементарныхъ и основныхъ религіозныхъ понятій,—которыхъ образованіе такъ поверхностно, что ихъ мышленіе лишено всякаго глубокаго содержанія и методическаго теченія—такимъ людямъ предлагать обычныя доказательства бытія Божія, личнаго безсмертія, Божества Иисуса Христа было-бы рѣшительно бесполезно. Если же пастырь вступитъ съ ними въ разговоръ и слѣд. поведетъ дѣло открыто, вслухъ всѣхъ присутствующихъ и если при этомъ противники его окажутся сильными въ дѣлѣ диспута, такъ что побѣда останется нерѣшенной,—тогда на ихъ сторонѣ явится цѣлая партія насмѣшниковъ индифферентистовъ, провозглашающихъ и торжествующихъ свою побѣду,—и дѣло будетъ хуже, чѣмъ если-бы пастырь молчалъ. Даже для того, чтобы отвѣчать на возраженія противниковъ, отражать ихъ нападенія мѣстами св. писанія, требуется большое умѣнье и ловкость. Правда, высказавъ удачно, мѣтко какое-либо мѣсто св. писанія, можно, благодаря живущему въ немъ духу истины попасть въ совѣсть, затронуть дремлющее религіозное чувство вольнодумца. Но столь же легко, тѣмъ же способомъ пастырь можетъ возбудить въ противникѣ насмѣшку, если не способенъ искусно противопоставить ему духовное оружіе; онъ можетъ очутиться въ такомъ положеніи, какъ будто для доказательства религіозной истины не въ состояніи ничего болѣе представить, кромѣ авторитета заученнаго имъ мѣста писанія. Итакъ, чтоже дѣлать пастырю въ такомъ случаѣ?—Въ этомъ случаѣ, удачно поступаетъ тотъ, кто, владея достаточно присутствіемъ духа, находчивостію,—однимъ какимъ либо словомъ—простымъ, но сильнымъ, поразительнымъ, хотя-бы то былъ и сарказмъ, даетъ своимъ врагамъ исполнѣ почувствовать пустоту ихъ рѣчей и заставляетъ ихъ молчать. Одинъ изъ нашихъ отечественныхъ архипастырей на вопросъ—правда-ли, говорятъ, у насъ Бога нѣтъ?—отвѣчалъ: „это не новость, еще Давидъ сказалъ: рече безуменъ въ сердцахъ своемъ: нѣсть Богъ“ и этимъ связалъ языкъ вольнодумца. Нерѣдко порицатели истины обнаруживаютъ большое незнаніе въ дѣлѣ той религіи, которую порицаютъ. Если дѣйствительно у противниковъ окажется такое незнаніе, тогда хорошо выставить имъ на

видь ихъ религіозное невѣжество и дать имъ знать, что прежде тѣмъ произнесите свой приговоръ надъ св. писаніемъ и ученіемъ церкви, они должны еще занять школьную скамью и изучать то, что говорится въ св. писаніи и чему учитъ святая церковь. Но если съ той стороны—со стороны невѣднія въ религіи нельзя приступить къ дѣлу (такъ какъ многіе вольнодумцы хорошо знаютъ свящ. писаніе), тогда для пастыря ничего болѣе не остается, какъ, смотря по обстоятельствамъ, въ приличной, учивой формѣ просьбы выразить свое желаніе, чтобы они замолчали; или же въ тошѣ строгого, серьезнаго, но умѣреннаго, осторожнаго замѣчанія сказать имъ, что если для нихъ уваженіе къ божественнымъ истинамъ и не составляетъ важности, то все-таки, какъ претенденты хоть на какое-нибудь образованіе, ради приличія, они должны удержать свои непристойныя рѣчи о предметахъ столь дорогихъ и священ-ныхъ для каждаго христианина, которые на всегда останутся тако-выми же, не смотря на всѣ нареканія и хулы вольнодумцевъ. Дѣйствовать на нихъ въ такихъ случаяхъ, въ пылу сильной ревности, оскорбительными словами не только бесполезно, но и очень вредно. Противники смотрятъ на эту ревность, какъ на вспышку безсильнаго гнѣва, какъ на знакъ досады, и потому они находятъ пріятную забаву для себя и удовольствіе въ томъ, чтобы еще болѣе раздражить, ратующаго за вѣру и церковь и усилить его гнѣвъ. Если же просьба и замѣчаніе окажутся не дѣйствительными, тогда пастырю ничего болѣе не остается, какъ оставить бесѣду съ ними.

(Руков. для с. паст.).

Редакторъ Ректоръ Семинаріи Протоіерей *Димитрій Ильинскій*.